

ЗАСТЕНЬЕ

Наталина Заботина

Застенье

<https://litres.ru/74140348>

SelfPub; 2026

Аннотация

Светлоозёрск — город, которого нет на картах. Кир, Сева и Тая живут здесь с детства и привыкли к странностям. Но однажды что-то пошло не так. Как будто что-то должно случиться. Что-то большое. Что-то необратимое.

Никто пока не понимает, что происходит. Никто не задаёт вопросов. Но Кир, Сева и Тая чувствуют: время на исходе. И если они не найдут выход, Светлоозёрск заберёт их. Как забирал всех, кто был здесь до них.

«Застенье» — история о том, как трое подростков пытаются выбраться из города, который только притворяется обычным.

Содержание

Глава 1. Город, которого нет.	4
Глава 2. Трое	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталина Заботина

Застенье

Глава 1. Город, которого нет.

Светлоозёрска не было на картах.

Когда-то, лет пятьдесят назад, его ещё можно было найти. Мелкая точка на сгибе атласа, между страницами про соседние области. Но потом пришли новые карты, спутниковые, цифровые, и Светлоозёрск потерялся. Не потому что исчез — просто не заметили. Слишком маленький. Слишком неважный. Решили, что это дачный посёлок или ошибка старой топографии. Так и вычеркнули.

Местные об этом знали и шутили:

— Мы живём в городе, которого нет. Удобно. Налогов не шлют.

Город был действительно маленький. Одна школа — одноэтажная, кирпичная, с облупленной штукатуркой и треснувшей табличкой «Средняя школа 1». Один детский сад — «Солнышко», хотя солнце здесь видели редко, чаще небо было затянуто серым, будто кто-то забыл поменять декорации. Несколько магазинов: булочная на углу и универсам «Продукты 24». Рынок по выходным — три ряда палаток, где тор-

говали картошкой, носками, старыми книжками и рассадой помидоров. Парк с покосившимися скамейками, ржавыми качелями и фонтаном, который не работал уже лет десять. Но вода в нём была. Странная, неподвижная, тёмная вода.

И все дома — одноэтажные. Все до единого.

Ни одной многоэтажки. Ни одной бетонной коробки, ни одной панельной девятиэтажки, ни одного подъезда с домофоном. Даже школа — и та одноэтажная, просто длинная, растянутая буквой «П» с внутренним двором, где на переменах бегали дети. Даже универсам — одноэтажный. Даже рынок — просто навесы на столбах. Самые высокие постройки в городе были — фонарные столбы да старый тополь у фонтана, когда он, по своему обыкновению, решал подрости до вечера.

Улицы — тихие, узкие, без разметки. Светофоров не было. Машин — почти не было. Иногда проезжал старый «жигуль», иногда — телега с сеном. По вечерам зажигались жёлтые фонари, и город становился похож на старую фотографию. На открытку из прошлого века.

Светлоозёрск был тихим. Слишком тихим.

Здесь никогда не случалось ничего громкого. Не было ни парадов, ни салютов, ни свадеб с песнями под окнами. Не было драк. Не было криков. Даже дети на переменах шумели как-то приглушённо. Даже собаки лаяли редко и как будто нехотя.

Праздников в Светлоозёрске не отмечали. Не то чтобы их

запрещали — просто не приживались. Привезут, бывало, ёлку к Новому году — она стоит, а никто не наряжает. Повесят флажки на Первомай — они висят, а никто не смотрит. Со временем перестали вешать и флажки. Со временем перестали даже говорить о праздниках.

Но если в Светлоозёрске не было праздников, то и похорон тоже не было.

Про кладбище в Светлоозёрске не говорили.

Не то чтобы это был запрет — просто так сложилось. Если кто-то умирал — а умирали здесь, как и везде, — тело увозили. Всегда. Никто не помнил ни одной могилы в черте города. Ни одного креста, ни одного памятника. Старожилы говорили: «Хоронят в соседнем городе». Но в соседнем городе про светлоозёрское кладбище никто не слышал. Никогда.

Когда-то давно кто-то из местных — уже и не вспомнить кто — написал запрос в соседний город. Хотел найти могилу родственника. Официальное письмо, с печатью, как полагается. Ответ пришёл через месяц. Короткий, сухой: «Кладбище с таким названием не существует. Захоронений жителей Светлоозёрска не зарегистрировано». Письмо затерялось, но фраза осталась. И теперь её повторяли уже без ссылки на источник. Просто знали — там ничего нет.

За умершими рано утром приезжала машина. Тёмный фургон без надписей. Два человека в тёмном выносили гроб, грузили, уезжали. Родственники стояли на крыльце, прово-

жали взглядом. Иногда плакали. Чаще — молчали. К вечеру о смерти уже не вспоминали. Будто человек не умер, а просто переехал.

Возможно, так оно и было.

Никто не задавал вопросов. Никто не спрашивал: «А куда их увозят?» Никто не пытался поехать следом. Ни у кого даже не возникало вопросов, откуда приезжает этот тёмный фургон без надписей. И кто эти люди в тёмном.

Никто не искал могил. Никто не носил цветов. В Светлоозёрске не было ни одного памятника, ни одного креста, ни одной ограды. Будто люди здесь не умирали — а просто исчезали. И всех это устраивало.

Но если в Светлоозёрске не было кладбища, то и роддома не было.

Дети рождались дома. Всегда. Никто не помнил, чтобы в городе существовал роддом — ни здания, ни вывески, ни врача в белом халате. Женщины рожали в своих постелях, с помощью повитухи — пожилой женщины по имени Зинаида, которая жила на окраине и принимала роды уже много лет. Она никогда не говорила, откуда у неё этот навык. Просто делала своё дело.

Никто не задавал вопросов. Никто не спрашивал, почему в городе нет роддома. Никто не пытался рожать за пределами Светлоозёрска — это было невозможно. И никто не знал, куда исчезала Зинаида в те дни, когда родов не было.

Говорили, что она разговаривает с новорождёнными. Что-

то шепчет им, пока обтирает. Что именно — никто не слышал. Но дети, которых она принимала, выросли спокойными. Как будто с самого рождения знали что-то, чего не знали остальные.

Были в Светлоозёрске и другие особенности. О них не говорили вслух, но каждый местный знал.

В Светлоозёрске не было часов. Ни одних. Ни на площади, ни на школе, ни на универсаме. Никаких башенных, уличных, настенных.

Говорили, когда-то давно часы висели. Над входом в школу — круглые, белые, с чёрными стрелками. Но однажды они остановились. Стрелки замерли на без десяти двенадцать. Никто не заметил, когда именно это случилось. Просто в какой-то день кто-то поднял голову и увидел: стоят.

Их не чинили. Не заводили. Не снимали со стены. Они провисели так ещё несколько лет, пока не исчезли сами собой. Однажды утром их просто не оказалось на месте. Пустое пятно на кирпичной стене — и всё. Никто не спрашивал, куда они делись. Будто так и надо.

Потом пропали часы в учительской. Потом — на почте. Потом — последние, что висели в коридоре универсама, просто перестали показывать время и превратились в кусок пластика на стене. А потом и они исчезли.

У людей, конечно, имелись наручные часы и телефоны. Время узнавали по ним. Но город сам по себе времени не

знал. Будто оно здесь шло иначе. Будто Светлоозёрск не хотел, чтобы за ним следили.

Местные не вспоминали о часах. Иногда кто-нибудь из детей спрашивал:

— А почему у нас нигде нет часов?

Ему отвечали:

— А зачем они? Время и так есть.

И этого объяснения хватало.

А ещё в Светлоозёрске никогда не было озера. Никакого. Ни большого, ни маленького, ни засохшего, ни подземного. Откуда взялось название — никто уже не помнил. Говорили, будто сто лет назад здесь был пруд, но потом его засыпали. Говорили, будто картографы перепутали Светлоозёрск с соседним селом, у которого и правда было озеро. Говорили разное. Но факт оставался фактом: в Светлоозёрске не было озера.

Зато с названием была своя ирония. Светлым этот город не был никогда. Солнце здесь выходило редко — может, раз в год. Местные шутили: «Светлоозёрск — звучит как курорт. А на деле — ни света, ни озера, ни курорта».

Никогда не строились новые дома. Улицы не переключивали. Заборы не меняли. Всё стояло так, как поставили когда-то, — и больше не трогалось. Если где-то отваливался кусок штукатурки, он так и оставался лежать. Никто не поднимал. Никто не чинил. Но дома при этом не разваливались.

Как будто город сам себя держал в порядке — или не нуждался в починке.

В этом нигде не было табличек «Закрыто». Ни на магазинах, ни на школе, ни на детском саду. Всё работало всегда — или казалось, что всегда. Даже если внутрь никто не заходил. Даже если продавец спал за прилавком. Даже если уроки давно кончились, а в классе ещё горел свет. Дверь была открыта. Свет горел. Школа стояла незапертая — заходи кто хочешь. Детский сад продолжал гудеть детскими голосами, даже когда детей уже не было. Никто не проверял расписание. Никто не сверялся со временем.

В Светлоозёрске не было указателей. Ни одного. Ни на въезде, ни на выезде, ни на перекрёстках. Улицы назывались, но табличек с названиями не вешали. Местные просто знали, где что находится. Приезжие терялись сразу.

Единственные из приезжих, кто знал дорогу, — это те, кто приезжал за умершими. Они не останавливались. Не спрашивали, как проехать. Просто ехали. Забирали тело и уезжали. И больше их не видели — до следующего раза.

Люди, которые жили здесь постоянно, не могли уехать, это знал каждый. Может быть, не пробовали. А может быть, просто не хотели. Просто жили, и всё. Год за годом. Всю жизнь.

Иногда появлялись гости. Те, кто случайно сворачивал не туда по дороге в соседний город.

Один такой приезжий остановился у универсама однажды утром. Заглушил мотор, вышел из машины — старой «той-

оты» с помятой дверью — и огляделся. Улица была пустая. Слишком пустая для буднего дня.

Он заметил местного — пожилого мужчину в выцветшей кепке, который сидел на лавочке у входа в универсам и курил.

— Это что за место? — спросил приезжий.

— Светлоозёрск, — ответил мужчина, не вынимая сигареты изо рта.

— Светлоозёрск? — приезжий нахмурился. — Никогда не слышал.

— Ну.

— А я вообще куда ехал-то... — он достал телефон, покрутил, всмотрелся в карту. — Странно. У меня тут ничего нет. Вообще пусто.

— Ну, — снова сказал мужчина.

Приезжий ещё раз оглядел улицу. Одноэтажные домики, пыльная дорога, тишина. Даже ветра не было.

— А у вас тут всегда так тихо? — спросил он.

— А как ещё-то? Город маленький. Людей мало.

Приезжий кивнул, но что-то его беспокоило. Он не мог понять, что именно. Вроде бы обычный провинциальный городок. Но было в нём что-то... неправильное. Не страшное — просто неуловимое. Как будто всё вокруг нарисовано. Или как будто он смотрит на город через мутное стекло.

— А дорога-то дальше куда? — спросил он, уже садясь в машину.

— Дальше? — мужчина выпустил дым. — Дальше никуда.

— В смысле — никуда?

— Ну. Никуда.

Приезжий помолчал. Хотел переспросить, но передумал. Хмыкнул, качнул головой и захлопнул дверцу. Мотор завёлся. Машина тронулась, проехала до конца улицы и скрылась за поворотом.

Мужчина на лавочке проводил её взглядом, потушил сигарету и пошёл обратно в универсам.

Таких, как он, — тех, кому удалось уехать, — больше никогда никто не видел. Они не возвращались. Даже случайно. Даже проездом. Будто дорога сама уводила их в сторону. Будто город, однажды появившись в чьей-то жизни, навсегда исчезал из неё.

Местные этого не обсуждали — может, просто не замечали. А может, считали само собой разумеющимся. В конце концов, кому придёт в голову возвращаться в город, которого нет на карте?

Но те, кто жил здесь давно, знали: со Светлоозёрском что-то не так.

Не то чтобы здесь случалось что-то из ряда вон. Никто не видел призраков, никто не пропадал без вести. Просто иногда казалось — идёшь по улице, а что-то не на своём месте. Не то дерево слишком быстро выросло. Не то собака соседская вчера была щенком, а сегодня уже седая. Не то тень легла как-то не так.

Но стоило приглядеться — и всё становилось обычным. Дерево как дерево. Собака как собака. Тень как тень.

Местные не придавали этому значения. Они вообще мало чему придавали значение. В маленьких городах всегда так: чем меньше людей, тем больше кажется, что вокруг творится что-то необъяснимое. Хотя на самом деле — просто тишина. Просто ветер гуляет между одноэтажными домами. Просто фонари мигают, потому что проводка старая. Просто вода в фонтане стоит, потому что её забыли слить лет десять назад. Всему есть объяснение. Нужно только не задавать лишних вопросов.

И никто не задавал.

Светлоозёрск жил своей жизнью — медленной, ровной, бессобытийной. Дети рождались, старики умирали, школа работала, рынок торговал. Всё как везде. Только тише. Только спокойнее. Только иногда казалось, что город не просто маленький — а будто бы отдельный от всего остального мира.

В этом городе жили трое.

Глава 2. Трое

Главного героя в этой истории не было. Были просто три человека, которые жили в Светлоозёрске и знали друг друга с самого детства. Не герои — подростки. Обычные. Почти.

Киру было семнадцать. Вообще-то его звали Кирилл, но полным именем называли только в школе на уроках, да и то не все учителя. Отец звал «Кирия» — когда вообще звал. Сева и Тая — просто Кир. Ему нравилось. Коротко, сухо, без лишнего. Под стать ему самому.

Он был среднего роста. Скорее жилистый. Руки всегда в карманах, плечи чуть приподняты, будто постоянно мёрз, хотя куртка была тёплая. Волосы тёмные, русые, вечно падали на глаза — он то и дело убирал их ладонью назад. И тогда открывались серые, спокойные, но цепкие глаза. Кир смотрел не так, как другие. Другие скользили взглядом — он всматривался. Никогда не отводил взгляда от собеседника, и это сбивало с толку.

Жил он в одноэтажном доме, как и все в Светлоозёрске. Небольшая прихожая, кухня с газовой плитой, две комнаты. Жил с отцом. Мать почти не помнил, она умерла. Помнил только тот день. Ему было пять.

Была осень. Странная осень — без дождей и без ветра. Листья лежали на земле, сухие, серые, и не шевелились. Воздух был неподвижный, как вода в фонтане. Тишина стояла

такая, что Кир слышал собственное дыхание.

Тёмный фургон подъехал рано утром. Двое в тёмном вышли, не хлопая дверями. Они двигались беззвучно, как будто не касались земли. Вынесли гроб — простой, деревянный, без цветов и венков. Отец стоял на крыльце и молчал. Кир держался за его штанину, но отец этого не замечал.

Запах он запомнил. Пахло чем-то холодным, как от железа на морозе. Хотя мороза не было.

Фургон уехал. Отец развернулся и ушёл в дом, не сказав ни слова. Кир остался на крыльце. Листья на земле так и не шевельнулись. Будто ничего не случилось.

Он не плакал — он ещё не понимал. А когда понял, спрашивать было поздно. Да и незачем.

Отец работал в универсаме — грузчиком на складе. Был он человеком крупным, но каким-то потухшим. Широкие плечи, сутулая спина, руки тяжёлые, как будто всегда уставшие. Лицо тёмное от щетины — он брился редко, через день, а то и через два. Волосы короткие, с проседью на висках, хотя ему было чуть за сорок. Глаза светлые, как у Кира, но смотрели иначе — не всматривались, а скользили мимо. Он почти никогда не поднимал взгляд.

Одевался отец всегда одинаково: тёмная рабочая куртка, старые джинсы, стоптанные ботинки. От него пахло картоном и пылью — запах склада. Он уходил рано, возвращался поздно. Иногда Кир слышал, как он ворочается за стенкой, но они почти не разговаривали. Не потому что ссорились —

просто так сложилось.

В том, как Кир одевался, было что-то от отца — та же простота, та же привычка не обращать внимания на вещи. Но Кир был моложе, и это смягчало картину. Он носил старую джинсовую куртку, которая была ему чуть великовата. Под ней — тёмная футболка. Штаны — обычные чёрные джинсы, немного вытертые на коленях. На ногах — тяжёлые ботинки на шнурках, старые, но крепкие. Кир не любил лёгкую обувь. Ему нравилось чувствовать землю под ногами. На левом запястье — браслет из разноцветных ниток. Его когда-то давно сплела Тая. Просто так, от нечего делать, когда они сидели у фонтана. Она сказала: «Дай руку». Он дал. Она завязала браслет и сказала: «На счастье». Кир не верил в счастье, но руку не отдёрнул. Браслет ему мешал, путался в рукаве, намокал под дождём. Кир всё время хотел его снять, но постоянно забывал. А когда вспоминал, было лень. Так и носил. И уже, наверное, никогда не снимет.

По утрам он выходил из дома около семи. И шёл к фонтану. Маршрут был один и тот же: мимо булочной, где уже пахло свежим хлебом, через парк .

В парке было пусто. Ветер шевелил ветки тополя. Тополь был по пояс.

— Опять, — говорил Кир вслух.

Доставал телефон. Открывал заметки. Находил запись: «Тополь у фонтана. Утро — по пояс. Вечер — выше крыши. Утро — снова по пояс. Проверить ещё раз».

Дописывал ниже: «Всё ещё странно».

Он начал вести заметки с тех пор, как стал замечать странности. Сначала просто записывал, чтобы не забыть. Потом это вошло в привычку. О его заметках никто не знал — ни Сева, ни Тая, ни тем более отец. Кир никому не рассказывал. Фактов, которыми можно было бы поделиться, пока не набиралось — так, отдельные наблюдения. Он боялся, что его посчитают странным. Поэтому молчал. Заметки были только для него.

Он садился на скамейку и писал. Вода в фонтане стояла тихая, тёмная. Фонтан не работал уже лет десять, но вода в нём была всегда. Чистая, неподвижная, без единого листика на поверхности. Кир смотрел на неё и думал.

В Светлоозёрске всё было не так. Тени двигались с задержкой. Деревья росли как хотели. Люди не задавали вопросов. А он задавал. Сам себе, в заметках. И пока вопросов было больше, чем ответов.

Кир не считал себя странным. Просто он не умел не замечать. Другие жители Светлоозёрска как будто смотрели на мир сквозь воду — всё размыто, всё неважно. А у Кира зрение было чёткое. Слишком чёткое. Иногда он завидовал остальным, потому что видел слишком много. А иногда даже больше, чем нужно.

Однажды он увидел то, чего видеть не должен был. В этот день он проснулся раньше обычного, ещё до рассвета, и выглянул в окно. По улице ехал тот самый тёмный фургон.

Медленно, без звука. Остановился у соседнего дома. В этом доме жила семья из трёх человек: родители и девочка, которая училась с Киром в параллельном классе. Двое в тёмном вышли, зашли в дверь и через минуту вынесли три гроба. Гробы были лёгкие — они несли их без усилий, будто внутри вовсе не было людей. В доме всё оставалось неизменным: свет так же горел, были слышны голоса. Только девочка в этот день не пришла в школу. Родителей больше не видели на работе. А через день Кир спросил у Севы про неё — и Сева не понял, о ком речь. Никто не понимал. Будто этой семьи никогда и не существовало. Возможно, если бы тогда Кир этого не увидел, он бы тоже забыл про этих людей. Навсегда.

Он закрыл заметки, убрал телефон в карман и посидел ещё немного. Пора было в школу. В Светлоозёрске вообще никто не спешил, но понедельник есть понедельник.

У Кира был друг — Сева. Они дружили с самого детства. Почти всегда и везде были вместе. Сколько Кир себя помнил — столько рядом с ним был Сева.

Телефон завибрировал в кармане. На экране высветилось: «Сева».

— Идёшь? — спросил Сева.

— Иду, — сказал Кир.

— Встречаемся через полчаса около школы.

— Окей, — ответил Кир.

И сбросил.

Кир убрал телефон. Сева иногда звонил вот так — без

приветствий и объяснений. Коротко, по делу. таким он и был.

Кто такой Сева? Полное имя — Всеволод. Он его не любил. Слишком длинное, слишком торжественное. Как будто князь. Какой из Севы князь? «Сева» — другое дело. Просто, по-свойски. Каким он и был. Его все так звали. Он не разрешал называть себя полным именем. Как только кто-то говорил «Всеволод», он сразу отвечал: «Не Сева — значит не я». И разговор был окончен.

Ему было семнадцать. Жил он с родителями в добротном доме на окраине — одном из лучших в Светлоозёрске. Семья была полная, хорошая.

Отец — крупный мужчина с густыми усами и громким голосом. Всегда был красиво и опрятно одет. Он много смеялся и часто хлопал Севу по плечу, спрашивая: «Ну что, сын, как дела?» Сева отвечал: «Нормально». Немногословно, как и всегда. Отец работал на рынке — держал две палатки, торговал инструментом и всякой хозяйственной мелочью. В выходные брал Севу с собой — расставлять коробки. Сева не любил рынок, но отцу не отказывал.

Мать была невысокая, тихая. Очень красивая, изящная женщина. С быстрыми руками и лёгкой походкой. Она работала в булочной на углу — той самой, мимо которой каждое утро проходил Кир. Она его постоянно видела. Здраваться с ним уже стало их утренней традицией.

— Доброе утро, Кир.

— Доброе утро, тётъ Марин.

— Сева ещё не вышел?

— Он звонил, сказал, идёт.

— Хорошо. Хлеб будешь?

— Нет, спасибо. Я к фонтану.

— Ну, беги.

От неё всегда пахло мукой и тёплым хлебом. Севе нравился этот запах. Мать мало говорила, но много делала. Если Севе было что-то нужно, она находила способ это достать, даже если он её об этом не просил. Эта черта передалась Севе от матери.

Денег у них было больше, чем у большинства в городе. Не то чтобы богато, но достойно. Дом был ухоженный, с новым забором и чистыми окнами. Со стороны казалось — всё у них хорошо. Так оно и было. Наверное.

Сева был чуть выше Кира, но сутулился, будто хотел занять меньше места. Волосы светлые, коротко стриженные — мама стригла его сама, раз в месяц, машинкой. Шрам на переносице — в детстве упал с турника. Одевался просто: тёмная толстовка с капюшоном, спортивные штаны, стоптанные кроссовки. Никаких украшений, никаких лишних вещей. Всё по делу.

Характер у него был — не сказать чтобы тяжёлый. Скорее, закрытый. Он не любил долгие разговоры и пустые слова. Если что-то нужно было сделать — делал. Если что-то беспокоило — молчал. Кир и Тая знали: если Сева замолчал

надолго, значит, что-то случилось. Но не лезли. Он сам скажет, когда будет готов. Иногда так и не говорил. Когда-то мог быть дерзким, когда-то весёлым. Всегда разный. Непредсказуемый.

Этим утром он звонил Киру с рынка. Как обычно, в самое раннее утро перед школой помогал отцу — расставлял коробки, протирал прилавки. Отец как раз отошёл за сигаретами, и Сева набрал Кира. Короткий разговор — и он выдвинулся к школе, навстречу другу.

Кир к тому времени уже подходил к школе. Сева появился через десять минут — вышел из-за угла, руки в карманах, капюшон на голове. Они кивнули друг другу.

— Таю видел? — спросил Сева.

— Нет ещё.

— Тогда идём к ней.

И они пошли.

Дом, в котором жила Тая, был неприметный — почти как у всех в Светлоозёрске. Одноэтажный, с синими ставнями и невысоким крыльцом. На окнах висели светлые занавески, которые всегда слегка колыхались, даже когда ветра не было. Во дворе рос старый куст сирени — Тая говорила, что он цветёт раз в несколько лет, но когда цветёт, пахнет на всю улицу. Дорожка к крыльцу была выложена камнями, которые бабушка собирала когда-то давно. Камни были разные — серые, белёсые, с прожилками. Никто не знал, откуда они. Бабушка говорила: «Из-под земли». И больше ничего не объ-

ясняла.

В доме всегда пахло травами и чем-то сладким — бабушка вечно что-то сушила, заваривала, настаивала. Говорила: «От всего есть трава». Тая в это не верила.

Тая была одной из тех, кто сюда приехал и остался. Это было, когда она была совсем маленькая. Она почти ничего не помнила. Только смутные образы — дорога, машина, чей-то голос. Родителей она не помнила — слишком маленькая была. А бабушка была не родная. Это она приютила их, когда они только появились в городе. А когда родителей не стало, просто оставила Таю у себя.

Так и жили вдвоём.

Бабушка была невысокая, сухонькая, с быстрыми глазами. Она мало говорила, но всё видела. Иногда смотрела на Таю и спрашивала: «Опять ужасы снились?» И Тая вздрагивала, потому что не рассказывала ей про сны. Бабушка сама знала.

Тая была невысокая, с длинными чёрными волосами, которые иногда заплетала в пучок на макушке. Одевалась ярко — яркие свитера, джинсы, кеды с разноцветными шнурками. На запястье носила тонкий серебряный браслет — бабушкин подарок. Когда бабушка его дарила, то сказала: «Носи, от дурного глаза». Тая во всё это верила и никогда его не снимала. А ещё у неё была очень яркая, заразительная улыбка. Когда она улыбалась, казалось, что в сером Светлоозёрске ненадолго выглянуло солнце.

Характер у неё был — не скажешь, что простой. Само-

стоятельная. Необычная. Иногда — девочка-девочка: тихая, мягкая, с этой своей улыбкой. Иногда — бойкая, как третий парень в их компании. Могла и слово резкое вставить, и толкнуть в плечо, если заслужил. Но Кир и Сева всегда давали ей побыть девочкой. Не потому что она слабая — просто им нравилось за ней поухаживать. Уступить дорогу, подать руку, донести сумку. Тая не просила. Они сами. И она позволяла. Это было негласное правило их троих.

Иногда, правда, она не удерживалась от шутки. Сева как-то подал ей руку на скользкой дорожке, а Тая улыбнулась и сказала: «Сева, если ты продолжишь в том же духе, я, пожалуй, выйду за тебя замуж. Но учти — готовить я не умею». Сева покраснел и опустил руку.

Кир и Сева подошли к её дому. Сева постучал в окно. Через минуту дверь открылась — на пороге стояла Тая в ярком свитере.

— Я знала, что вы придёте, — сказала она.

— Откуда? — спросил Кир.

— Ты всегда у фонтана. А Сева всегда тебя находит. И вы всегда заходите за мной. Логика.

Сева хмыкнул.

— Идёшь? — спросил он.

— Иду, — улыбнулась Тая.

И они пошли втроём — как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.